Созвездие над крышей моего дома

Торн Батлер

Торн Батлер

Созвездие над крышей моего дома

«Автор»
2026

Батлер Т.

Созвездие над крышей моего дома / Т. Батлер — «Автор», 2026

Если о существовании человека никто не помнит, означает ли это, что его никогда не было?В попытке понять другого человека девушке предстоит столкнуться с вопросами, на которые, возможно, не существует ответов. Где заканчивается действительность и начинается наше представление о ней? И способны ли мы принять существование того, чего никогда не сможем познать?

© Батлер Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. О невозможности отсутствия 5
Глава I. О существовании без свидетельства 6
Глава II. О повторении и невозможности тождества 8
Глава III. О пределах молчания 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Торн Батлер
Созвездие над крышей моего дома

Пролог. О невозможности отсутствия

«Вечное молчание этих бесконечных пространств ужасает меня»
Блез Паскаль

Город был полон отсутствия.

Над ним висела звезда.

Она была красной и такой большой, что между нею и трубами домов едва оставалось место для неба. Свет падал на закрытые лавки и на белый круг вокзальных часов. Стрелок у часов не было. Мальчику нравился круг; другого назначения он за ним не знал.

Никто не покинул этого города. Никто не приехал в него. На улицах, которые могли бы носить имена умерших, не было табличек.

Мальчик не помнил своего появления. Как отыскать в прошлом время, о котором не осталось ни одного воспоминания? Он мог бы счесть звезду вечной, даже если бы она зажглась накануне его рождения.

Однажды на улице мальчик увидел открытую дверь. В комнате стояли два стула. Он посидел на одном, потом на другом. Оба были удобны. В следующий раз он поставил один стул у окна, чтобы можно было забраться на подоконник.

Иногда звёзды падали. Мальчик подбирал их с мостовой, тёплые, неровные, и складывал в мешок из серой ткани. Если звезда была особенно мелкой, он заворачивал её в край рубашки, прежде чем отнести к мешку.

— Если оставить их на земле, они забудут, что они звёзды.

Мальчик не помнил, кто научил его этим словам. Ему и в голову не приходило оставить одну из звёзд на мостовой до утра. Зачем рисковать, когда её можно подобрать?

Он умел завязывать мешок так, чтобы ни один уголёк не выпал. Прижав его к уху, слышал едва различимый шелест. Перед сном пересчитывал огоньки. Ни у одной звезды внутри мешка не осталось неба.

На крыше вокзала спал чёрный кот. Он был величиною с холм; на его спине виднелись белые пятна. По временам он вытягивал лапу, и черепица под нею тихо трещала.

Под вокзальным навесом стояла картонная коробка. Мальчик однажды попытался в неё влезть, но у коробки разошлось дно.

Глава I. О существовании без свидетельства

«Звёздное небо надо мной и моральный закон во мне»
Иммануил Кант

За ужином юноша поглядывал на освещённые окна соседнего дома.

— А если они все разом погаснут?

— Что погаснет? — спросил отец.

— Вон, окна. Кто-нибудь заметит?

— Пробки выбьет, что ли? Конечно, заметят. У нас тоже свет пропадёт, если вся улица…

— Соль передай, — сказала мать. — Ты опять ничего не ешь.

Ночью юноша выбрался через окно на крышу. Он поставил кружку в углубление между черепицами и уселся, обхватив колени пледом. Отсюда слышно было движение машин, но нельзя было разобрать слов даже тех, кто шёл по тротуару прямо под ним. Это ему нравилось.

Орион поднялся высоко. Над тремя звёздами пояса горело красноватое плечо Бетельгейзе; внизу белел Ригель.

У него был старый атлас с неприятно блестящими страницами. Он выучил названия самых ярких звёзд и очень сердился, когда отец называл Венеру звездой. О некоторых светилах астрономы узнавали по их воздействию на другие тела, даже не различая самих светил.

Свет Бетельгейзе отправился в путь за несколько столетий до этой ночи. Юноша смотрел на звезду, которая за это время могла сильно измениться. Ему пришло в голову, что слово «встреча» здесь едва ли годится.

Однажды после урока физики он спросил учителя, нельзя ли определить общее для всей Вселенной настоящее. Может, просто пока не изобрели способа?

— Дело не в точности часов. Помнишь рисунок с поездом? — Учитель потянулся к мелу. — Два события могут быть одновременными в одной системе отсчёта, а в другой — нет.

— А со звездой? Что с ней сейчас происходит, можно сказать?

— Смотря какую систему отсчёта выбрать. Можно определить, какой момент там соответствует нашему «сейчас». А чтобы увидеть, что в этот момент произошло, придётся ждать, пока оттуда дойдёт свет.

— Давай завтра, — добавил учитель, взглянув на часы. — У меня урок.

Юноша ушёл недовольный. Его интересовало то «сейчас», для которого вовсе не пришлось бы выбирать систему отсчёта. Он так и не сумел объяснить, зачем оно ему.

Он закрыл один глаз, потом другой. Антенна соседнего дома перебегала через звёздное поле. Стоило передвинуть голову — и звезда оказывалась по другую сторону антенны. Сама звезда от этого никуда не перемещалась.

Он мог бы последовательно исключить из расчёта ошибки наблюдателя. Можно было предсказать по движению одной звезды положение другой, ещё ни разу её не увидев. Но у него не было способа провести последнее наблюдение, исключив заодно и самого наблюдателя. Тут он, кажется, потребовал от доказательства невозможного: чтобы никто никогда не получил доказательства, в том числе он сам.

Он написал на последней странице атласа: «Существует и без меня». Подчеркнул «без», потом стёр черту, не сумев придумать, для чего она там нужна.

На прошлой неделе старик на улице обронил перчатку. Юноша поднял её и бежал за стариком почти до перекрёстка. Старик оглянулся, взял перчатку и с удивлением сунул её в карман. Он даже не поблагодарил.

В тот вечер мать спросила, отчего сын вернулся так поздно. Он ответил: «Задержался».

Старик, наверное, уже забыл его лицо. Когда-нибудь и он сам забудет про перчатку. Рука старика всё равно оставалась тогда в тепле. Если же юноше хотелось узнать, хорош ли он сам, одной перчаткой вопрос не решался.

Вот уже который день он с удовольствием предъявлял самому себе эту историю. Ему особенно нравилось, что старик не поблагодарил: теперь можно было приписать себе бескорыстие. Поблагодари его старик, и оснований для такой гордости было бы меньше.

«Я вернул бы перчатку и человеку, которого не люблю», — подумал он.

А затем вспомнил одного школьного товарища и уже не был так уверен.

Чай остыл. Бетельгейзе всё ещё светила. Он вспомнил, что обещал отцу помочь передвинуть шкаф. Отец, наверное, уже справился сам. Юноша прислушался.

Мать, проходя мимо его комнаты, заметила сквозняк.

— Закрой окно, пожалуйста!

Он услышал её с крыши и допил холодный чай. В комнату вернулся только тогда, когда внизу перестали двигать мебель.

Из другого мира

На углу площади стоял жёлтый дом. Теперь его не было. На мостовой осталась тёмная полоса, а возле фонтана — срезанный цоколь седьмого фонаря.

Мальчик по-прежнему обходил цоколь слева. Однажды спохватился, вернулся и перешагнул через него; в следующий раз опять прошёл слева. Возле пустого места он оставил кусок черепицы: через площадь было удобно ходить, когда знал, где лежит что-нибудь приметное.

На камнях лежала маленькая звезда. Она дрогнула в его ладони и погасла. Мальчик положил в мешок тёмный камешек. Мешок не потяжелел. Весили в нём только горящие звёзды.

Он попытался отыскать камешек среди остальных и не смог.

— Если оставить их на земле, они забудут, что они звёзды.

Он развязал мешок ещё раз и принялся искать камешек.

Глава II. О повторении и невозможности тождества

«Желаешь ли ты этого ещё раз и ещё бесчисленное число раз?»
Фридрих Ницше

Каждое утро юноша выходил из дома за двадцать две минуты до звонка. Он знал трещину на плитке третьего дома справа, знал голубя у светофора и женщину, которая у киоска поворачивала табличку «Открыто» двумя пальцами, будто брала за край игральную карту. Иногда он угадывал самый миг поворота.

Однажды, увидев, что трещина стала длиннее, он рассердился. Что именно позволил себе этот камень без его ведома? До школы оставалось девять минут; он нагнулся, приложил палец к тому месту, где трещина, по его памяти, кончалась вчера.

Плитка была та же. Он узнал её даже по тому, что в ней изменилось. Если бы ночью каменщик заменил её другой, с совершенно такой же трещиной, ему было бы гораздо труднее заметить подмену. Он простоял ещё немного и опоздал на урок.

В кабинете физики третья лампа слева мигала. Две медленные вспышки, пауза, шесть быстрых. В первый день он принял это за случайность. Потом записал на полях тетради «2, 6», а в следующий раз, для краткости, просто «26». Теперь он нетерпеливо ждал двух вспышек, чтобы отсчитать остальные.

— Опять двадцать шесть.

Учитель, собиравший тетради, остановился у его парты.

— Чего двадцать шесть?

— Лампа. Вот эта. Сначала два раза, потом шесть. Уже третий день.

— Опять мигает? Я завхозу говорил.

— Да нет, она каждый раз одинаково мигает.

— Ты же пол-урока в тетрадь смотришь. Когда ты успел проверить?

На перемене юноша задержался у двери. В коридоре стояла девушка из соседнего класса с подругой. Учитель вышел с журналом под мышкой.

— Ну что, расшифровал свою азбуку Морзе?

— Это не азбука Морзе.

Юноша ушёл. Девушка подняла глаза на лампу, которую было видно через открытую дверь. В этот момент она не мигала.

После уроков он всё-таки остался. Лампа долго горела ровно, и он ушёл, не дождавшись, когда её выключат. Дома записал по памяти последовательность вспышек. Рядом поставил вопросительный знак: он не мог решить, следует ли относить к последовательности и сорок минут непрерывного света.

Вечером он попробовал начертить схему кабинета. Нарисовал четыре ряда парт, хотя их было три. Эту ошибку он заметил сразу, а вспышки исправлять не стал.

Представим себе два утра, одинаковые до последнего мгновения. Если во второе человек помнит первое, в них уже есть различие. Если же память тоже возвращена к прежнему состоянию, кто сосчитает утра? Для этого придётся допустить счётчика, которому участь возвращающегося человека не досталась.

Если возвращается и минута, в которую к тебе явился демон, ты не помнишь его прежнего посещения. Иначе разговор выйдет другим. Юношу это смешило: как обрадоваться возвращению, о котором ничего не знаешь? Впрочем, демон не обещал такой радости. Требовалось ответить за всю жизнь разом, пока она ещё продолжалась. И он подозревал, что мог бы ответить «да» из одного желания произвести впечатление на демона.

Недавно он оставил отца одного передвигать шкаф, потом целый вечер старался об этом не вспоминать. В том дне он хотел бы изменить одну минуту. Но отец больше не просил о помощи; теперь даже согласиться на его просьбу было нельзя. Демон, вероятно, очень удивился бы такому употреблению вечности: юноша пожелал бы повторения дня, которого никогда не прожил.

В четверг киоск был закрыт.

Юноша сначала решил, что пришёл раньше обычного. Посмотрел на телефон. Нет, в ту же минуту. На стекле висела табличка, повёрнутая белой стороной к улице.

Он прошёл мимо, вернулся и заглянул через стекло. На прилавке лежала раскрытая пачка салфеток. Не заболела ли продавщица? У кого спросить? Он даже имени её не знал.

На следующий день киоск опять был закрыт. Ещё до поворота улицы он представил себе два пальца, берущиеся за край картонки. В пятницу он купил в соседней пекарне булочку с маком. Мака пожалели.

К пятнице он уже сердился на продавщицу. Вероятно, она могла совершенно спокойно проводить время где-нибудь у моря, пока он ходил к закрытому киоску. Почему её возможное счастье показалось ему почти оскорбительным?

Вечером, на крыше, он снова ответил демону «нет».

Булочку он доел дома. В субботу, когда идти в школу не требовалось, всё-таки вышел из дома и дошёл до киоска.

Из другого мира

Мальчик услышал фортепиано на узкой улице. Несколько нот прошли над крышами, остановились и продолжились. Он поспешил к дому с выбитой дверью.

В комнате стояло старое пианино. Пыль на крышке была нетронута, а две клавиши оставались опущенными. Мальчик нажал третью. Звука не было. Под пальцем осталось тепло.

Он остался у пианино, надеясь дослушать. Потом открыл крышку и обнаружил внутри длинные проволоки. Одну из них можно было ущипнуть ногтем. Получался тоненький звук. Ему понравилось, и он повторял его, пока не сломал ноготь.

Мальчик провёл пальцем по крышке, оставив полосу, и посмотрел на пол. Следов его ног не было.

— Значит, играют не здесь.

Он вышел, оставив дверь открытой. На вокзале кот приоткрыл глаз.

Глава III. О пределах молчания

«О чём невозможно говорить, о том следует молчать»
Людвиг Витгенштейн

На перемене сосед по парте наклонился к нему.

— Дашь на минуту?

Юноша протянул ручку.

— Да я у него спрашиваю.

Сосед уже тянулся через парту за зарядкой.

Иногда он отвечал с опозданием и был вынужден либо вмешаться в разговор о чём-то совершенно другом, либо оставить свой ответ при себе. С ручкой вышло особенно глупо: он уже снял колпачок и теперь никак не мог надеть его с первого раза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.